

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 12—19.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 12—19.

Научная статья

УДК 821.161.1.09:82-3

EDN <https://elibrary.ru/avdham>

DOI: 10.46726/И.2026.2.2

ЦИТАТА И РЕМИНИСЦЕНЦИЯ В ПРОЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА («КОТИН ДОИЛЕЦ И ПЛАТОНИДА», 1867)

Полина Александровна Федоровская,

Ольга Владимировна Евдокимова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, fedorovskaya_2001@bk.ru, odnodum8@mail.ru

Аннотация. Статья направлена на разрешение одной из самых актуальных для изучения творчества Н.С. Лескова проблем: в чем состоит эстетический смысл взаимосвязи «своего» и «чужого» в текстах писателя. Установлено, что все «отсылки» в рассказе «Котин доилец и Платонида» наделены функциями реминисценций. Лесков вводит «чужой текст» в произведение не как цитату, а как реминисценцию, способную пробудить в памяти читателя цепь воспоминаний. Путь создания образа пролегает от реминисцентного полюса (единому пространству памяти) и к образу. В рассказе «Котин доилец и Платонида» выявлено более тридцати реминисценций, восходящих к античной культуре, ветхозаветной истории пророков, к русскому фольклору, к русской и зарубежной литературе XVI—XIX вв. Подробно анализируется элемент реминисцентного поля «*Робинзон — остров*» в ракурсе образа центрального героя произведения Константина Пизонского — одного из праведников Лескова. Подчеркнуто, что реминисцентное поле составляют и приемы поэтики чужих текстов. В частности, прием нанизывания черт заимствован из народной культуры (корильные песни), прием наслаивания («послойного наложения красок») восходит к иконописи.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, рассказ «Котин доилец и Платонида», цитата, реминисценция, реминисцентное поле, художественный образ

Благодарности: работа выполнена при поддержке внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 54-ВГ).

Для цитирования: Федоровская П.А., Евдокимова О.В. Цитата и реминисценция в прозе Н.С. Лескова («Котин доилец и Платонида», 1867) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 12—19.

В науке о творчестве Н.С. Лескова установлено, что постоянное и активное введение «чужого текста» в «свой» является характерной чертой метода писателя¹. Рассказ «Котин доилец и Платонида» уже попадал в поле зрения

© Федоровская П.А., Евдокимова О.В., 2026

¹ Соотношению «своего» и «чужого» в прозе Лескова посвящены работы Б.М. Эйхенбаума («Чрезмерный писатель»: к 100-летию рождения Н.С. Лескова, 1945), О.Е. Майоровой («Божедомы»). Повесть лет временных. Рукописная редакция хроники «Соборяне», 1997), Т.В. Ивановой (Цитата-реминисценция в хронике Н.С. Лескова «Соборяне», 2001), Т.А. Ильяшенко (Библийские параллели в изображении смерти у Н.С. Лескова («Соборяне» и «На краю света»), 2001), А.А. Федотовой (Гоголевские реминисценции в повести Н.С. Лескова «Гора», 2011), Е.С. Шкапы (Интертекстуальные связи в святочных рассказах Н.С. Лескова, 2017), Н.Н. Старыгиной («Библийский текст» рассказа «Христос в гостях у мужика» Н.С. Лескова, 2020), В.Г. Мехтиева (Лермонтовские цитаты и реминисценции в антигигиенистическом романе Н.С. Лескова «Некуда», 2022) и другие.

исследователей², однако, несмотря на большое количество трудов, вопрос о типах включений «чужого текста» в лесковский остается нерешенным. Это обусловлено, во-первых, противоречиями в понимании содержания таких терминов, как «реминисценция», «цитата», «аллюзия», во-вторых, большим количеством полисемантических «отсылок» даже в небольших рассказах Лескова.

В литературоведении не сложилось общее мнение ни о принципах разграничения цитаты и реминисценции, ни об иерархических отношениях между ними. Смешение терминов объясняется тем, что традиционно считается, цитата и реминисценция имеют одну общую функцию: «обогащение текста смыслами текста-источника» [Фоменко: 206]³. В нашем понимании различие между цитатой и реминисценцией заключается в том, как эти элементы текста воздействуют на память читателя: если цитата требует узнавания, то реминисценция пробуждает цепь воспоминаний. Кроме того, функции цитаты и реминисценции зависят от особенностей поэтики текста и автора.

В рассказе Лескова «Котин доилец и Платонида» количество разнообразных включений из других текстов исчисляется десятками. Часть из них была обозначена в примечаниях к тексту в собрании сочинений в 11 томах [Эйхенбаум: 500—501] и в комментариях в Полном собрании сочинений в 30 томах [Ильяшенко: 679—683]. Однако комментарий Б.М. Эйхенбаума только указывает на некоторые из включений, а в комментарии Т.А. Ильяшенко, более подробном, рассмотрены не все цитаты и реминисценции. Кроме того, комментарий здесь не имеет задачи объяснить функции присутствия тех или иных «отсылок».

В процессе анализа рассказа необходимо обратить внимание более чем на тридцать элементов «чужого текста», отсылающих к античной культуре, к ветхозаветной истории пророков, к русскому фольклору и обрядовой свадебной культуре (корильным и величальным песням), к русской и зарубежной литературам XVI—XIX вв. (к произведениям У. Шекспира, Д. Дефо, Ф. Шиллера, В.А. Жуковского, И.И. Козлова, Н.В. Гоголя). Среди них и маркированные, графически выделенные элементы текста (например, эпитафия или стихотворная строфа), прецедентные имена, и отсылки без какой-либо авторской атрибуции.

Если исходить из определения цитаты как графически маркированного элемента «чужого текста», то количество цитат в рассказе «Котин доилец и Платонида» будет крайне мало. Во многих случаях закавыченный текст здесь — это не цитаты из художественных произведений, а текст, акцентирующий внимание читателя на какой-то детали, авторском неологизме или устойчивом выражении («чин и крест», «выплакала очи», «провидущая») либо способ передачи прямой речи каких-либо персонажей: «Не отрицал и народ, что Константин Ионыч лжет, повторяя свое “не знаю, не ведаю”; но народ был уверен, что Пизонский лжет, покрывая чужой грех. Хорошо это или нехорошо, народ не строго разбирает и верит, что “есть ложь во спасение”» [Лесков 7: 42]. «Не знаю, не ведаю» — это слова Пизонского, а «есть ложь во спасение» — народное мнение, дословно повторенное автором. Подобные выражения не являются цитатами в традиционном смысле. Однако даже бесспорные случаи цитирования (эпитафия, стихотворные

---

² Стоит отметить работы В. Бенямина (Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова, 1936), Г.А. Шкуты (Фольклорные и древнерусские сюжеты и мотивы в творчестве Н.С. Лескова: мифопоэтический аспект, 2005), С.А. Скурдиной, В.В. Вязовской (Именованные юродивых в произведениях Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, 2018), Т.Н. Усольцевой (Библейский текст в рассказе Н.С. Лескова «Котин доилец и Платонида», 2024).

³ Различие же между видами усматривают в их принадлежности к определенным уровням текста [Фоменко: 206]. С. П. Белокурова отмечает: цитата «принципиально узнаваема» и имеет маркировку (кавычки) и/или атрибуцию [Белокурова: 197].

фрагменты, библейские цитаты) в тексте Лескова имеют более широкую функцию, чем функция собственно цитаты.

Часто цитатами являются эпиграфы, в рассказе Лескова он взят из шекспировского текста: *«Изломанная утварь / Разрушенного дома. Шекспир»* [Лесков 7: 7]. Лесков указывает автора, но не конкретное произведение, которому принадлежит фраза. Цель именно такого авторского атрибутирования «чужого текста» в данном случае в том и состоит, чтобы обратить читателя к имени Шекспира, к шекспировскому художественному миру, взятому в его идейно-эстетической сущности, а не только к определенной трагедии («Тимон Афинский» в переводе П. Вейнберга, 1864 г.). Приведенная цитата из Шекспира очерчивает одну из ключевых тем рассказа «Котин доилец и Платонида» — тему дома. Она же задает этой теме трагическое звучание: дом купца Деева, «не пошедшего к соединению с церковью» [Там же] и отстранившегося от всего Старого города, в финале терпит окончательный крах. Купец клеветает на сына и невестку, обвиняя в попытке отцеубийства, в результате чего Авенир отправляется солдатом на Кавказ, Платонида становится старицей, о дальнейшей судьбе Маркела Семеныча Деева даже не упоминается. И хотя Авенир выслуживает на Кавказе «чин и крест» и женится на генеральской дочери, это никак не поддерживает прежде славное имя Деевых: герой приезжает в родной город, чтобы повидаться только с невесткой-старицей, он строит собственную судьбу один, вдалеке от дома и рода. Судьба Платониды, ставшей старицей Иоилью, тоже говорит о распадении родовых связей: так противоречит ее изначальному облику, полному жизненной силы («белолицая красавица», «высокая молодая женщина с веселым румянцем и прямыми соболиными бровями» [Там же: 16—17]), образ согбенной странницы с «образочками» [Там же: 43] на месте ослепших глаз. В образе главного героя Константина Пизонского в первой части рассказа постоянно подчеркивается тема сиротства, оторванности от родного дома. Пизонский, изгнанный из семьи, становится «собственником и гражданином» [Лесков 7: 30], воспитывает племянниц, но его созидательное домостроительство не направлено на возвращение утраченного родового уклада.

Каждое слово эпиграфа несет особую смысловую нагрузку: слово «дом», как уже говорилось, является ключевым. Слова «изломанный», «разрушенный» сообщают трагический пафос, передают излом, совершившийся в судьбе целого рода.

Если обратиться к контексту цитаты, тексту пьесы «Тимон Афинский», то станет понятно, что «утварью» слуга прежде знатного афинянина Тимона называет себя и других слуг дома, утративших всё после разорения своего господина. Вместе с величием старинного рода рушится и мир «маленьких героев», бывших прежде его частью. Знание пьесы «Тимон Афинский» позволит провести и другую параллель: тема противостояния человека и города, возведенная Шекспиром до трагических высот, — «своя» для рассказа Лескова, она оттеняет глубокое различие в образах Тимона и Пизонского. Один становится мизантропом и мечтает о мести Афинам, другой честным трудом и незлобивым нравом заслуживает любовь жителей всего Старого Города, сохраняя свою особость, обретает дом как мир между людьми. Образ Пизонского получает новое освещение в сопоставлении с шекспировским Тимоном, известным афинским мизантропом, но не в этом заключается цель Лескова.

Подчеркнем, что фрагмент «чужого текста», взятый в качестве эпиграфа, благодаря авторской атрибуции выступает в первую очередь в роли реминисценции, функция которой заключается не столько в указании на конкретный текст, который нужно узнать, а в том, чтобы пробудить в сознании читателя цепь воспоминаний, ввести темы дома, рода, судьбы и предназначения человека, увековеченные именем Шекспира.

Цитатой в рассказе по оформлению является восклицание «Жено! вперед отпускаются ти вси грехи» [Лесков 7: 32]. Это обращение к Платониде оформлено кавычками и принадлежит некоему «суровому аскету», представляющемуся внутреннему взгляду рассказчика. Фигура аскета, который мог бы произнести такие слова, и сам слог цитаты вызывают воспоминание о библейском тексте. Характерно обращение в звательном падеже («Жено!»), аналогичное библейским «чадо», «Мати», «Отче». Характерны в этом отношении слова, напоминающие речь Христа расслабленному: «держай, чадо, прощаются ти греси твои» (Мф. 9:2), или кровоточивой: «жено, отпущена еси от недуга твоего» (Лк. 13:12). Однако точно такой фразы, какую приводит Лесков, в Евангелии нет, равно как и в других библейских текстах. Можно предположить, что в данном случае речь идет о так называемой «мистифицированной» цитате [Майорова: 59—66]. Однако трудно установить, намеренно ли Лесков искажает евангельский текст, или цитирует неточно по памяти, очевидно, что для писателя точность цитаты не имеет значения, а важен тот пласт воспоминаний, который рождает фраза у читателя. Такая «цитата» не должна быть соотнесена с конкретным фрагментом Евангелия, так как это и сцена исцеления кровоточивой, и исцеления расслабленного, и частое обращение Христа к человеку. Создание фразы, напоминающей библейский текст, имеет функцию — пробудить воспоминание о Христе, взывающем к человеку и исцеляющем его. У «чужих» слов функция не цитаты, а реминисценции, порождающей в памяти евангельский образ Христа.

Прямое цитирование стихотворения Шиллера (в переводе Жуковского) в тексте Лескова выделено графически, но не маркируется кавычками и не атрибутируется: «*Мертвый в гробе мирно спи, / Жизнью пользуйся живущий!*» [Лесков 7: 33]. Авторство не обозначено: строки стихотворения приписываются поэту в его родовом значении, человеку, одаренному поэтическим взглядом на мир, способному воспеть молодость и красоту героини (Платониды). В комментарии к рассказу Эйхенбаум, атрибутируя цитату из Шиллера в переводе Жуковского, указывает на ее неточность: «“Мертвый в гробе мирно спи” и т. д. — цитата (не вполне точная) из баллады Шиллера “Торжество победителей” в переводе Жуковского (“Спящий в гробе, мирно спи”)» [Эйхенбаум: 501]. Отметим, «неточность» проявляется не только в лексической замене «спящий» на «мертвый», но и в изменении синтаксической структуры фразы. У Жуковского в строке «спящий в гробе, мирно спи; / Жизнью пользуйся, живущий!» «Спящий в гробе» и «живущий» — это обращения, которые требуют обособления. У Лескова эти слова входят в предложение как подлежащие, и фраза начинает звучать афористично, напоминающая о поэзии. «Чужой текст» у Лескова не предстает готовой формулой, имеющей определенное значение, а включается в «свой» как своеобразный «нервный узел» текста, вызывающий ряды воспоминаний, в данном случае — поэтические.

Образы лесковских героев строятся с ориентацией на образы героев различных текстов и создаются на пересечении разных реминисценций. Однако, несмотря на это многообразие, художественный образ у Лескова остается целостным, не распадающимся на составляющие. Так, образ главного героя Константина Пизонского (Котина) возникает на пересечении реминисценций, принадлежащих к удаленным друг от друга областям культуры. Герой дважды назван Робинзоном, живет на заброшенном острове и много и упорно трудится над его преображением. Наряду с этим герой сравнивается и с библейскими пророками (с Елисеем, Иоанном, Илией), с героем идиллии, с героем корильной свадебной песни, с героями романтических поэм. В свою очередь реминисцирование образа Робинзона

складывается из множества элементов, главный из которых — «остров», на котором поселяется герой. Покажем, как из многосоставности образуется целое.

Образ острова возникает в первом же предложении рассказа, из которого читатель узнает, что герой — «очень скромный человек, обработавший бесплодную почву ныне плодоносного городского острова» [Лесков 7: 7]. Закладывается дихотомия «бесплодный» — «плодоносный», характерная и для библейского текста, и для народной культуры, особенно для величальных и корильных песен, которые по своей функции антонимичны друг другу и строятся на противопоставлении «своего» и «чужого».

Второй раз «остров» упоминается в середине рассказа, в тринадцатой главе, когда горожане пускают Пизонского с сиротами «покормиться под мост на пустой остров» [Там же: 30], в «царство запустения, бурьяна, ужей и крапивы» [Там же: 31]. Рассказчик обстоятельно говорит о трудах героя по преобразованию острова: «В первый же год по получении в свою власть этого острова он поставил здесь хибарочку, выкопал землянку, окопал ровок и поставил воротцы» [Там же]. Характерно использование диминутивов, снижающих пафос сцены преобразования целого острова. Трепетное отношение Пизонского к мелким заботам ежедневного быта приравнивается к поэтическому вдохновению, оно подобно восторженному обожанию, с каким подходит к переписыванию бумаг знаменитый «маленький человек» Гоголя — Акакий Акакиевич (ср. у Лескова: «у него завелись лошадка и тележка, которую он, по любви к искусствам, каждую весну перекрашивал в новую краску» [Там же: 31], у Гоголя: «в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты» [Гоголь 3: 144]).

Пизонский строит «хибарочку» — так вместо темы «разрушенного дома», заявленной в эпиграфе, зарождается евангельская тема домостроительства. Герой ограждает свое пространство от остального мира «ровком» и «воротцами». Возникает близкий к идиллическому образ счастливого мира, восходящий к представлениям о рае. В этой же тринадцатой главе остров описывается как уже расцветший и преобразившийся: «На другой год пустынный остров был уже бакшою, давшею Пизонскому с сиротами и хлеб, и соль, и все, еже им на потребу. <...> В таком прелестном благополучии, в таком райском житье прошли для нашего Робинзона целые четыре года» [Лесков 7: 31].

Тональность в описании острова как «райского» места, полного «прелестного благополучия», созвучна тональности величальных фольклорных песен, основным художественным принципом которых является «принцип идеализации» [Круглов: 85]. Как отмечал А.Х. Гольденберг, «если персонаж величальной песни — “добрый молодец”, то у него длинные кудрявые волосы, белое, как снег, лицо, алые щеки, черные брови или усы и т. п.» [Гольденберг: 23]. Подобно тому, как в величаниях создается идеальный образ героя, формируется и образ благодатного места. Пизонский растит детей, разбивает бахчу, собирает богатый урожай — это подробное перечисление не только отсылает к жизни Робинзона Дефо на необитаемом острове, но и являет читателю идеальное устройство жизни человека, восхваляемое народной величальной поэзией: «Кто в этом дому: / Наделил бы вас господь / Ему рожь густа, / И житьем, и бытьем, / Рожь ужиниста, / И богатством!» [Круглов: 42]; «Вокруг города, круг Архангельского, Остров мой да зелен мой! Были ворота, трои широкие, Остров мой да зелен мой!» [Там же: 259].

Отметим, что в народной культуре «остров» является устойчивой мифологемой, для которой характерен особый хронотоп и «сакральная семантика» [Горничкая: 151], связанная с зоной инициации, обрядом перехода. Действительно, «обустройство» Пизонского на острове становится этапом в его становлении и в признании героя в качестве «собственника и гражданина». С образом острова,

как отмечает Л.И. Горницкая, часто связан и сюжет «царевны в плену», преломлением которого можно считать финал рассказа: «не то женщина, не то, еще вернее, ведьма шибко пробежала по берегу и вдруг где-то исчезла. <...> утверждали, что они ясно видели, как она переплыла в рубашке речку и вышла на бакшу к Константину Пизонскому» [Лесков 7: 42].

Смысл «острова» не только как места деятельности героя-демиурга, каким является Робинзон, но и как места испытания выявляется, если рассматривать «остров» в ракурсе реминисценций к ветхозаветным текстам, а именно к истории пророков. Библейский пласт рассказа, а именно отсылки к истории пророков, рассмотрены в статье Т.Н. Усолицевой «Библейский текст в рассказе Н.С. Лескова “Котин доилец и Платонида”» (2024), в которой автор отмечает нравственно-философскую функцию присутствия библейских имен и сюжетов в рассказе Лескова.

Однако при рассмотрении библейских «отсылок» в ряду с другими реминисценциями (в частности, к Робинзону) оказывается, что ветхозаветный мотив изгнанничества пророка тесно связан с мотивом испытания и преображения героя.

В одиннадцатой главе произведения, еще не получив в свое распоряжение остров, Пизонский вспоминает историю пророка Илии, удалившегося в «степь безлюдную», где к нему прилетал ворон по божественному Промыслу. Герой сравнивает себя с ветхозаветным пророком, ведь и к Пизонскому «летает ... ворон Авенир, и печется ... белая лебедь Платонида Андревна» [Лесков 7: 25].

Пизонский отправляется на пустынный остров, и вскоре «царство запустения» уподобляется раю на земле [Там же: 30]. Называние острова «царством запустения» тоже является реминисценцией к библейской книге пророка Даниила (Дан. 9:27), в которой под «мерзостью запустения» подразумевается покинутое, оставленное святилище, в котором больше не приносятся жертвы во славу Бога.

Острову Пизонского (благодатному месту) противопоставлен город. В библейской истории часто город оказывается притеснителем, гонителем праведника: вефильские дети «вышли из города» и насмеялись над Елисеем (4 Цар. 2:23), прогоняя его от входа в языческий город, в который пророк направлялся; от нечестивого града уходит в пустыню и пророк Илия, скрываясь от преследований. Подобно этим пророкам, с которыми Пизонский сравнивается напрямую, герой «пройдя по всему городу», оказывается «за городской заставой», то есть праведником [Лесков 7: 12].

Таким образом, даже при рассмотрении только одного элемента («остров»), одной реминисценции («Робинзон»), обнаруживается, что реминисценции в рассказе образуют реминисцентное (памятное) поле — целостность, в которой отдельный элемент не реализует свои функции обособленно, а обретает свой образный смысл в единстве с другими реминисценциями.

Связь отдельного воспоминания и всей сферы памяти исследуется, например, в книге Ф.А. Йейтс «Искусство памяти», 1966. Применительно к творчеству Лескова эта связь отмечалась в работе О.В. Евдокимовой [Евдокимова].

В итоге проведенного анализа можно поставить вопрос о соотношениях художественного образа и образа памяти в текстах Лескова. Деятельность Пизонского осознается и демиургическим актом сотворения нового мира, и воплощением народного представления об идеальной жизни, и возвращением к изначальному райскому бытию. В русле каждой из реминисценций тематические элементы образа Пизонского контекстуализируются: одиночество (Робинзон, коримый в корильной песне, изгнанный пророк, бедный чиновник), праведничество (Робинзон, пророк, кроткий), творец нового мира (Робинзон, величаемый в народной песне жених, пророк) и так далее: лесковский праведник оказывается погружен в пространство памяти всей культуры.

Реминисцирование осуществляется и на уровне поэтики: прием нанизывания черт, заимствованный из народной культуры (а именно из корильных песен), использование сигнальных ключевых слов, которые являются знаковыми в различных культурных системах, выстраивание текста с ориентацией на устойчивые дихотомии, которые лежат в основе многих религиозных и фольклорных текстов, например, икон. Реминисценция в данном случае сообщает художественному образу качества образа памяти.

Список источников

- Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3. 728 с.
Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: ТЕРРА, 2000. Т. 7. 912 с.

Список литературы / References

- Белокурова С.П. Цитата // Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006. С. 197.
(Belokurova S.P. The Quote. *Dictionary of literary terms*, St. Petersburg, 2006, p. 197. — In Russ.)
- Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. 261 с.
(Gol'denberg A. Kh. Archetypes in N.V. Gogol's poetics: monograph, Volgograd, 2007, 261 p. — In Russ.)
- Горницкая Л.И. Мифологема острова в русской культурной традиции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4. С. 150—156.
(Gornitskaia L.I. The Mythologeme of the island in the russian cultural tradition, *Journal of historical, philological and cultural studies*, 2010, no. 4, pp. 150—156. — In Russ.)
- Евдокимова О.В. Поэтика памяти и авторская позиция в прозе Н.С. Лескова: «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» // Автор и текст: сборник статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1996. С. 288—305.
(Evdokimova O.V. Poetics of memory and the author's position in N.S. Leskov's prose: "Childhood years (From the memories of Merkula Praottsev)", *Author and text*, St. Petersburg, 1996, pp. 288—305. — In Russ.)
- Ильяшенко Т.А. Примечания. Котин доилец и Платонида // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: ТЕРРА, 2000. Т. 7. Сочинения 1867—1869. С. 679—683.
(Il'iashenko T.A. Notes. Kotin the provider and Platonida, *Leskov N.S. Complete works: in 30 vols*, vol. 7, Moscow, 2000, pp. 679—683. — In Russ.)
- Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни: учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Высш. шк., 1989. 320 с.
(Kruglov Yu.G. Russian Ritual Songs: A teaching guide for teacher training colleges specialising in Russian language and literature, Moscow, 1989, 320 p. — In Russ.)
- Майорова О.Е. «Непонятое» у Н.С. Лескова: о функции мистифицированных цитат // Новое литературное обозрение. 1993/94. № 6. С. 59—66.
(Maierova O.E. N.S. Leskov's "Incomprehensible": On the function of mystified quotes, *New literary observer*, 1993/94, no. 6, pp. 59—66. — In Russ.)
- Усольтцева Т.Н. Библейский текст в рассказе Н.С. Лескова «Котин доилец и Платонида» // Библия и русская литература: материалы научно-практической конференции, посвященной 85-летию филологического факультета Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2024. С. 107—112.
(Usoltseva T.N. The Biblical text in N.S. Leskov's short story "Kotin the provider and Platonida", *The Bible and Russian literature: materials of the scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the faculty of philology of the Belarusian state university*, Minsk, 2024, pp. 107—112. — In Russ.)
- Фоменко И.В. Реминисценция // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 206—207.
(Fomenko I.V. The Reminiscence, *Poetics: Current terms and concepts dictionary*, ed. by N.D. Tamarchenko, Moscow, 2008, pp. 206—207. — In Russ.)

Эйхенбаум Б.М. Примечания. Котин доилец и Платонида // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 1. С. 500—501.

(Eikhenbaum B.M. Notes. Kotin the provider and Platonida. *Leskov N.S. Complete works: in 11 vols*, Moscow, 1956, vol. 1, pp. 500—501. — In Russ.)

QUOTES AND REMINISCENCES IN NIKOLAY LESKOV'S PROSE ("KOTIN THE PROVIDER AND PLATONIDA", 1867)

Polina A. Fedorovskaya, Olga V. Evdokimova

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, fedorovskaya_2001@bk.ru, odnodum8@mail.ru

Abstract. The article examines one of the essential problems in Nikolai Leskov's literary work studies: the aesthetic meaning of the relationship between "one's own" and "other's" (borrowed) words in the writer's texts. It has been established that all the "references" (including quotes) in "Kotin the Provider and Platonida" are endowed with the reminiscence functions. Leskov included 'borrowed text' into his story not as a quotation, but as a reminiscence capable of awakening a series of memories in readers' mind. The path of creating an image runs from single reminiscences to a reminiscence field (a united space of memory) and then to the image. Above thirty reminiscences going back to ancient culture, the Old Testament history of the prophets, to Russian folklore, to 16th—19th centuries literature have been revealed in "Kotin the Provider and Platonida". The article analyzes the reminiscence field's element ("Robinson" — "island") from the perspective of Konstantin Pison'sky's image (one of Leskov's "righteous men" characters). It is emphasized that the reminiscence field is also composed by the previous texts poetic techniques. In particular, the stringing traits technique is borrowed from folk culture (the teasers), the layering technique ("layer-by-layer paint application") goes back to icon painting.

Keywords: Nikolay Leskov, "Kotin the Provider and Platonida", quote, reminiscence, reminiscence field, image

Acknowledgments: the research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 54-VG).

For citation: Fedorovskaya P.A., Evdokimova O.V. Quotes and reminiscences in Nikolay Leskov's prose ("Kotin the Provider and Platonida", 1867), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 12—19.

Статья поступила в редакцию 11.05.2025; одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 11.05.2025; approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Федоровская Полина Александровна — учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 222 «Петришуле», магистрант филологического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, fedorovskaya_2001@bk.ru

Fedorovskaya Polina Alexandrovna — teacher of Russian language and literature at secondary school № 222 "Petrischule", Graduate student of the Faculty of Philology, The Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation, fedorovskaya_2001@bk.ru

Евдокимова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, odnodum8@mail.ru, SPIN: 7414-9829

Evdokimova Olga Vladimirovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian literature, The Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation, odnodum8@mail.ru